

Плотникова Анастасия Викторовна

Студентка Воронежского государственного университета

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИСТОРИИ МОЕЙ СЕМЬИ ОСИНОВЫЙ СОЛДАТИК

Мой дедушка родился в войну. И неужели минуло уже столько лет? Да, минуло. Но, кажется, дедушкины воспоминания всё ещё не утратили мрачной подробности, а грусть в глазах не изменила своей глубине.

Мой дедушка родился в войну. У него было пять старших сестёр. В мирное когда-то время его родители не раз досадовали на то, что судьба не подарила им мальчика. И вот невозможно себе представить, каким долгожданным известием стало для Ивана рождение сына. Вот только застало это самое известие его на фронте. Мысль оставить беременную жену Прасковью с пятью дочерьми Ивана не испугала. Хоть жили они и не безбедно, он верил в скорую победу. Не может быть такого, чтобы честный, великий и праведный народ, собрав все свои силы и будучи готовым на всё ради Родины, не одолел фашистскую гадину. Ведь историческая память изнутри твердит каждому из нас, что добро всегда побеждает зло.

Впоследствии эту историю со слезами вины на глазах рассказывал бывший староста села Григорий Цыбулёнок. Правда, услышать этот рассказ можно было, зайдя в пятницу в местный пропахший махоркой шинок с засаленными столами. Когда Гришку Цыбулёнка угощал кто-то из односельчан стаканом горького, в его памяти вновь возникали образы жуткой Великой Отечественной. Будучи старостой села, Гришка в войну имел довольно «тёплое» местечко. Оружия в руках он не держал — держал, скорее, под подушкой, за что многие не считали его настоящим мужчиной и даже называли

предателем. Основным делом старосты была охрана порядка на селе, подразумевавшая запрет всего, что не разрешено. Стоит отдать Цыбулёнку должное: работу свою он выполнял по наказу главы районного центра. Даже вопреки запросам времени староста пару раз закрывал глаза на то, что оставшиеся без глав семейств женщины бегали в занятый немцами лес набрать хвороста.

Когда село оказалось оккупировано, немцы поселились буквально в каждом доме. Жёны и матери вынуждены были с презрительной покорностью готовить им кушанья в собственных кухнях, строго утихомиривая голодные всхлипывания босоногой ребятни.

Наша армия в ту пору отступала. И Иван со своим батальоном случайно оказался неподалёку от своего родного села. Сердце ему вот уже полтора месяца согревал лежащий в нагрудном кармане гимнастёрки потрепанный бумажный треугольничек с вестью о рождении сына. Чтобы прижать наследника к груди, Ивану стоило только пересечь Дон и попросить старосту незаметно провести его к семье. Соблазн был велик, и вот Иван под свою ответственность отпросился на час повидать семейство, прихватив с собой фронтового друга. Командир всё понял и отпустил: сам своих уж год не видел.

Найти скрытый ветвями от глаз, хоть и полуразрушенный, деревянный мосток Ивану не составило труда: родные места он знал хорошо. К слову, сейчас ровно на этом же месте пролегает понтонный мост через реку, способный выдержать до 10 тонн веса. Но семьдесят лет назад трухлявый мостишко едва не рассыпался под тяжестью двух солдат. К дому Цыбулёнка им подобраться удалось без происшествий. В ответ на радость и раскрытые объятия при виде односельчанина староста села зашикал и нервно замахал руками. В глазах Гришки Цыбулёнка стоял строгий ужас. Он отказывался даже выслушивать причину визита незваных гостей и на все просьбы и дружеские

увещевания отвечал этим полным ужаса строгим взглядом. В конце концов он вытолкал фронтовиков за дверь своей хаты, пожелав им поскорее убираться из этих мест. Цыбулёнок убеждал их, что, действуя так, заботится о Прасковье и её детях, но в глубине души не сомневался: если кто-то донесёт, немцы расстреляют его самого.

Тем же самым маршрутом, убеждённый, что его близким так и вправду будет лучше и обозлённый на себя за эту необдуманную идею, Иван со своим верным товарищем вернулся в дивизию. Почти сразу после этого начались ожесточённые бои, Красная армия перешла в наступление. Больше никаких известий о моём прадедушке Иване в село с тех пор не поступало. Может, похоронка затерялась где-то в пути, однако с 1943 года Иван в списках значился как без вести пропавший. Его жена Прасковья ждала известий от супруга ещё полтора года, пока сама не умерла. Сказались недавние роды, постоянный голод, тяжёлая работа и постоянное нервное напряжение. Сказалась война.

На много километров вокруг селения черная земля, как кратерами, покрылась воронками. Воздух словно пропитался запахом крови и пороха. Непроходимый лес, прозванный после войны Зрубанным, превратился в груды поваленных веток. Из птиц в лесу остались только сороки; черви и звери исчезли без следа. Берёзовая роща послужила материалом для сбитых на скорую руку крестов. Так природа словно скорбела вместе с русским народом.

Двухлетний тогда ещё, мой дедушка остался на попечении пяти сестёр, старшей из которых было четырнадцать. Сестрёнки выхаживали брата, не отказываясь от самой тягостной работы, а после освобождения села он был направлен в ленинградском детском доме.

Судьба не оставила моему дедушке не только ни единой фотографии его родителей, но даже безжалостно украла первые воспоминания о матери. До

поступления в детский дом он ещё помнил прикосновения её волос и цвет сарафана, потом краски этих первых детских ощущений потускнели. Мысленно он благодарил родителей за то, что не остался в мире совсем один: сестры заменили ему и отца и мать и стали самыми близкими до конца дней. Когда он воссоединился с сестрами, — а произошло это 4 года спустя, — в каждый свой День рождения получал от бывшего теперь старосты села Григория Цыбулёнка сладости. Несчастный Гришка думал, что эти мелочи могли заменить пацанёнку того самодельного осинового солдата, которого когда-то так умолял передать своему единственному сыну любящий, но так и не увидевший его отец.